

Тареев М. М. [Рец. на:] *И. Этика юдаизма. Lazarus M. Die Ethik des Judenthums: Этика юдаизма [= Этика иудаизма].* Одесса, 1903;
Bousset W. Die Religion des Judentums im neutestamentlichen Zeitalter. Berlin, 1903. // *Богословский вестник* 1904. Т. 1. № 2.
С. 394–399 (2-я пагин.).

БИБЛЮГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

I.

Этика юдаизма.

М. Lazarus Die Ethik des Judenthums: Этика юдаизма. Перев. Одесса 1903 г. *W. Bousset Die Religion des Judentums im neutestamentlichen Zeitalter.* Berlin 1903.

Переведенная на русскій языкъ „Этика юдаизма“ Лацаруса представляетъ изъ себя опытъ идеализаціи юдаистической этики.

Основа этики юдаизма—законъ: въ этомъ главный характеръ юдаизма, корень его дѣйствительныхъ достоинствъ и его дѣйствительныхъ недостатковъ. Понятію закона, или лояльности, Лацарусъ удѣляетъ надлежащее вниманіе. Прежде всего онъ съ замѣчательною историческою чуткостью и практической опытностью и въ полномъ соотвѣтствіи источникомъ раскрываетъ происхожденіе закона изъ сущности ветхозавѣтной религіи. Коренное требованіе Ветхаго Завѣта есть требованіе отъ человѣка святости: „Святъ будьте, ибо святъ Я Господь, Богъ вашъ“. Но, согласно ветхозавѣтному воззрѣнію, „не единичный человѣкъ, а только коллективное цѣлое можетъ быть свято въ истинномъ и собственномъ смыслѣ слова.—Святъ въ единственномъ числѣ одинъ лишь Богъ! И взглядъ этотъ текстуально подтверждается тѣмъ простымъ фактомъ, что во всемъ священномъ писаніи

какъ нравственно-святая индивидуальность въ единственномъ лицѣ называется одинъ лишь Богъ. Когда же рѣчь идетъ о святости въ отношеніи къ лицамъ, то фигурируетъ только множественное число или собирательное понятіе народа. Законы, большинство заповѣдей и запрещеній выражены въ формѣ единственнаго числа, каковы уже десять заповѣдей. Порою единственное число перемежается со множественнымъ. Требованіе же: „чтобы вы были святы“ ни разу во всей Библии не обращено къ человѣку какъ единичному лицу. Такъ, ни Моисей, ни Илія, ни первосвященникъ, ни псалмопѣвецъ не именуется „святымъ“. Одинъ лишь Богъ святой. Люди же могутъ быть, или вѣрнѣе стать святыми лишь въ соединеніи многихъ, въ союзѣ, т. е. только въ коллективномъ цѣломъ“. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ. „Человѣкъ не можетъ *быть* святымъ, но онъ можетъ *стать* святымъ: не личность, а жизнь свою долженъ человѣкъ сдѣлать святой. Только Богъ святъ. Человѣкъ можетъ лишь стремиться къ святости. Освященіе—безконечно долгая работа,—выполняя ее человѣкъ—это конечное существо—становится частью безконечнаго. Съ каждымъ шагомъ впередъ задача растетъ, обновляется, становится болѣе возвышенной. Всякое умноженіе силы, всякій успѣхъ моральности, всякая ступень освобожденія повышаетъ предъявляемыя человѣку требованія и мѣру отвѣтственности“. Въ томъ и другомъ дано достаточное основаніе, почему нравственная жизнь въ юдаизмѣ можетъ опредѣляться лишь закономъ. Надлежаще установивъ положеніе закона въ юдаизмѣ, Лацарусъ пытается выставить универсальное и непреходящее значеніе закона, старается именно въ этомъ коренномъ пунктѣ возвести этику юдаизма на высоту абсолютной автономной этики. „Лойяльность, пишетъ онъ,—т. е. образъ мыслей, направленный на исполненіе закона ради того, что это законъ, можно разсматривать какъ настоящую цѣль закона. Свободное отъ всякихъ желаній, цѣлей, намѣреній, обыкновенно оказывающихъ притягательное вліяніе на душу человѣка, послушаніе царитъ здѣсь, какъ чисто-формальное начало. Никакой результатъ,—будь онъ даже духовнаго свойства,—не имѣется здѣсь въ виду и не берется въ расчетъ, кромѣ того, что поступокъ, въ силу порождающаго его послушанія, запечатлѣвается характеромъ нравственнаго. Всѣ другія

цѣли исчезаютъ или, точнѣе говоря, покоряются и подчиняются, самая же цѣль нравственности остается какъ высшая и правящая.—Всякое нравственное стремленіе и всякое этическое ученіе имѣетъ въ виду свободу; но взойти въ душѣ цвѣтомъ свобода можетъ лишь принятіемъ закона и возведеніемъ его въ личную норму поведенія. Только тогда нравственность, благодаря преобладанію формальнаго элемента, выступаетъ во всей своей системѣ; ибо, только благодаря этому, человекъ завоевываетъ внутреннюю свободу въ отношеніи всѣхъ иныхъ побужденій и послѣдствій поведенія... Изъ всѣхъ принциповъ нравственнаго ученія (съ научной, а для юдаизма—и съ исторической точки зрѣнія) единственно прочнымъ является принципъ лояльности, т. е. формальный принципъ обязанности быть нравственнымъ, или обязанности хотѣть добраго“. Такимъ образомъ, въ іудейской письменности Лацарусъ находитъ ясно выраженнымъ ученіе о нравственной автономіи, отличающееся отъ категорическаго императива Канта только по формѣ, а не по существу. Въ сведеніи основныхъ понятій юдаистической этики къ терминамъ Кантовской этики и состоитъ идеализація первой.

На трудъ Лацаруса можно смотрѣть съ двоякой точки зрѣнія. Прежде всего возникаетъ вопросъ, на сколько идеализація Лацаруса соответствуетъ историческому облику юдаистической этики. Въ книгѣ Буссе мы имѣемъ самое позднее и вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстно и безпристрастно исполненное изслѣдованіе о всѣхъ сторонахъ религіи іудаизма за начальный періодъ іудаизма, наиболѣе интересный не только потому, что этотъ періодъ имѣетъ основоположительное значеніе въ исторіи юдаизма, но и потому, что въ позднѣйшемъ юдаизмѣ трудно выдѣлить христіанскіе элементы. По изслѣдованію Буссе, законнической характеръ юдаистической этики полагаетъ для нея своеобразныя границы, прежде всего выражающіяся въ ея партикуляризмѣ. „Гуманистическій“ характеръ эллинистической (стоической) этики ей совершенно чуждъ. Даже у Иисуса с. Сир. открывается уже эта сторона іудейской этики: „И Всевышній ненавидитъ грѣшниковъ, и нечестивымъ воздастъ отмщеніемъ. Давай добруму и не давай грѣшнику“ (XII, 6). Для іудейской любви признается вполне естественною плотская огра-

ниченность: „всякое животное любить подобное себѣ, и всякій человекъ ближняго своего. Милость человекъ къ ближнему его, а милость Господа—на всякую плоть“ (XIII, 19; XVIII, 12). Въ кн. Товита заповѣдь о любви выражается съ такою же партикуляристическою окраскою: „сынъ мой, люби братьевъ, и не превозносись сердцемъ предъ братьями твоими и предъ сынами и дочерьми народа твоего“ (IV, 13). Чѣмъ ближе къ временамъ христіанскимъ, тѣмъ сильнѣе сказывается партикуляризмъ юдаистической этики, и Господь Христосъ вполне точно формулировалъ юдаистическое пониманіе ветхозавѣтной заповѣди о любви въ словахъ: „люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего“. Въ юдаизмѣ одновременно развиваются обѣ стороны фари́сейской исключительности: внутренней исключительности праведниковъ по отношенію къ мытарямъ и грѣшникамъ, законниковъ по отношенію къ простому народу (ам-гаарецъ),—и внѣшней исключительности іудеевъ по отношенію ко всѣмъ язычникамъ, „по природѣ грѣшникамъ“. Эта исключительность и нетерпимость облекаются въ одежду лицемѣрной обрядности, которую питалась фари́сейская самоправедность. Въ извѣстномъ посланіи Аристея эта обрядовая самоправедность и нетерпимость іудея выражаются сильно: „Законодатель, говорятъ о себѣ іудеи, окружилъ насъ непроницаемою оградою и желѣзными стѣнами, чтобы мы, чистые тѣломъ и душою, свободные отъ суевѣрій, не имѣли никакого общенія ни съ однимъ изъ другихъ народовъ... Чтобы мы чрезъ общеніе съ другими и чрезъ обращеніе съ худшими не сообразились, окружилъ онъ насъ со всѣхъ сторонъ законами о чистотѣ въ пищѣ, питьѣ“ и пр.

Затѣмъ юдаистическая этика, исходя изъ законнической основы, выражается въ мелочную казуистику. Іудейскій праведникъ имѣлъ одинъ источникъ этического познанія— „книжническое“ изученіе закона и преданія. При такомъ отношеніи къ нравственному закону для него по необходимости перепутывалось ритуальное, культовое, правовое и моральное, перемѣшивалось важное и неважное, первое и послѣднее. Въ юдаистической этикѣ мы встрѣчаемъ возвышенныя предписанія, но они теряются въ массѣ казуистическихъ мелочей, подавляются обрядовыми йотами и черточками. Для іудейскаго законника былъ труднѣйшимъ во-

прось о важнѣйшей заповѣди и для него было сокрыто то, что было явно для младенца.

Та же законническая основа юдаистической этики дальше открывается въ ея преимущественно отрицательномъ, запретительномъ характерѣ. „Какъ не хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы не поступайте съ ними“: вотъ этика юдаизма; „во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними“: вотъ христіанская этика.

По основнымъ мотивамъ юдаистическая этика является вполне утилитарною, при чемъ нравственность разсматривается или съ точки зрѣнія житейскаго благоразумія, или же съ точки зрѣнія воздаянія и награды. У іудея постоянные юридическіе счеты съ небомъ. Основнымъ его убѣжденіемъ было то, что праведники должны благоденствовать. Поэтому для него самою непроницаемою тайною были страданія праведниковъ. Только въ евангеліи впервые побѣжденъ юдаистическій юрицизмъ. „Когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоящіе; потому что сдѣлали что должны были сдѣлать“. Несомнѣнно одно, что юдаистической этикѣ недостаетъ героизма, недостаетъ сильныхъ побужденій и импульсовъ (*der judischen Ethik der Heroismus, die starken Stimmungen und Impulse fehlen. S. 399*),—это этика рабовъ, а не свободныхъ сыновъ.

Справедливость требуетъ сказать, что Буссе съумѣлъ раскрыть и культурно-историческую сторону юдаистической законности, вмѣстѣ съ тѣмъ указывая и на разныя направленія въ юдаизмѣ. Мы отмѣтили здѣсь кратко лишь то, что въ его изображеніи является болѣе устойчивымъ въ юдаизмѣ. Указанной ограниченности юдаистической этики нельзя отрицать. Лучшее доказательство этого въ томъ, что ея не отрицаетъ и Лацарусъ, который вынужденъ признать „какъ несомнѣнный историческій фактъ, что внутри еврейства изъ стари существовали два различныхъ направленія, которыя могутъ быть кратко обозначены какъ національно-партикуляристическое и человѣческо-универсалистическое. Оба направленія то выступали одновременно, открыто воюя между собою, то смѣняли другъ друга въ теченіи времени... Борьба обоихъ направленій и посейчасъ сохраняетъ свой бурный характеръ“... Уже это признаніе много значитъ. Но инте-

ресно прочитатъ далѣе защиту юдаистическаго партикуляризма. „Относительно партикуляризма древнѣйшихъ временъ, сознательнаго различенія и умышеннаго обособленія израильскаго народа отъ другихъ народовъ—всѣ одного мнѣнія, какъ относительно самого факта, такъ и того, что онъ имѣлъ на это полное основаніе и высшее право. Всѣ народы были партикуляристичны. Они чувствовали только противоположеніе съ другими народами, едва считались съ ними и отнюдь не признавали ихъ равными себѣ по происхожденію“. Вотъ странная защита, равная обвиненію. Въ этой защитѣ іудейскій народъ ставится на одномъ уровнѣ со всѣми народами; но если онъ только одинъ изъ народовъ, то гдѣ же его богоизбранность? Когда при Самуилѣ Израиль пожелалъ избрать себѣ царя и быть какъ „прочіе народы“, то это было съ ихъ стороны „отверженіемъ Господа, чтобы Онъ не царствовалъ надъ ними“. *Raison d'être* древняго Израиля, чтобы не быть „какъ другіе народы“. Впрочемъ Лацарусъ продолжаетъ: „Но партикуляристическое направленіе еврейской народной души имѣло ту особенность, что оно проникнуто было обѣтованіемъ, чаяніемъ и требованіемъ универсализма, общечеловѣческаго единства, какъ высшей жизненной цѣли. Съ этической точки зрѣнія это было наиболѣе яркой и рѣзкой противоположностью Израиля, его глубокопроникающимъ и исключительнымъ преимуществомъ предъ другими народами. Чтобы оберегать это преимущество, давать ему дѣятельно проявляться, Израиль долженъ былъ обособляться. Коротко говоря, Израиль долженъ былъ быть партикуляристичнымъ, чтобы стать и оставаться универсалистичнымъ“. Пусть будетъ такъ. Но въ такомъ случаѣ для юдаизма не безразлично то обстоятельство, что въ Евангеліи уже дана абсолютная этика, дано „универсалистичное міропониманіе“: этотъ фактъ несетъ смертный приговоръ юдаизму!

Я уже сказалъ, что на книгу Лацаруса можно смотрѣть съ другой точки зрѣнія—практической. Пусть данное въ ней пониманіе юдаизма, не вѣрное исторически, будетъ выраженіемъ дѣйствительныхъ стремленій лучшаго современнаго іудейства. Въ такомъ случаѣ книгу нужно привѣтствовать. Она проливаетъ яркій свѣтъ въ дебри талмуда.

М. Гаршевъ.